

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.58.62.048

Правовое регулирование цифровых платформ в зарубежных правопорядках

Маськова Анастасия Сергеевна

Младший юрист,
ООО «Интернет Решения»,
123112, Российская Федерация, Москва, Пресненская набережная, 10;
e-mail: n.maskova@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ зарубежного опыта правового регулирования цифровых платформ в трёх ключевых юрисдикциях – Европейском союзе, США и Китайской Народной Республике, выступающих основными регуляторными полюсами в сфере платформенной экономики. Рассмотрены особенности законодательных подходов к регулированию электронной торговли (включая требования к прозрачности, информированию потребителей, процедурам возврата и разрешения споров), защите персональных данных (GDPR в ЕС, CCPA в Калифорнии, Закон о защите персональных данных в Китае), обеспечению конкуренции (антимонопольное регулирование и контроль за доминирующим положением) и деятельности крупнейших цифровых платформ (Amazon, Alibaba, Google, Meta). Особое внимание уделено анализу ключевых нормативных актов ЕС: Закону о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), устанавливающему правила для «привратников» (gatekeepers) – крупнейших платформ, выполняющих функции ключевых посредников между бизнесом и потребителями, включая обязанности по обеспечению совместимости сервисов, запрету на предустановку приложений, ограничению на использование данных; и Закону о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA), регулирующему ответственность посредников за контент, требования к прозрачности алгоритмов и процедурам уведомления и удаления незаконного контента. В отношении американского подхода проанализированы особенности секторального регулирования (отсутствие единого комплексного закона), роль Федеральной торговой комиссии (FTC), различия в регулировании на уровне штатов, а также антимонопольные иски против крупных технологических корпораций. Китайский подход охарактеризован как сочетающий жёсткое государственное регулирование (включая требования к алгоритмам, ценовому регулированию, лицензированию и контролю за иностранным капиталом) с поддержкой развития национальных платформ. По результатам исследования выявлены основные тенденции развития зарубежного законодательства, представляющие интерес для совершенствования российского правового регулирования (включая перспективы принятия специального закона о цифровых платформах, усиления требований к прозрачности алгоритмов и защиты прав потребителей в электронной торговле).

Для цитирования в научных исследованиях

Маськова А.С. Правовое регулирование цифровых платформ в зарубежных правовых порядках // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 412-420. DOI: 10.34670/AR.2026.58.62.048

Ключевые слова

цифровые платформы, маркетплейсы, электронная торговля, платформенная экономика, DMA, DSA, GDPR, зарубежный опыт регулирования маркетплейсов, защита персональных данных, антимонопольное регулирование.

Введение

Переход к платформенной модели организации электронной торговли существенно изменил характер общественных отношений в данной сфере. Вследствие этого традиционных механизмов правового регулирования становится недостаточно, а развитие специального законодательства приобретает особую актуальность. При его совершенствовании представляется оправданным учитывать зарубежные подходы, основанные не только на устранении уже возникших нарушений, но и на их предупреждении посредством инструментов ex ante-регулирования.[Шелепов, Колмар, 2024]

Основная часть

Цифровые платформы стали ключевыми участниками современной электронной торговли, концентрируя значительную часть мирового онлайн-оборота товаров. Наиболее развитые из них функционируют в США, Китае и Европейском союзе, где лидирующие позиции занимают Amazon, eBay, WalmartMarketplace, Alibaba Group, JD.com и Zalando. При этом их деятельность уже не сводится к обеспечению взаимодействия продавцов и покупателей. Современные маркетплейсы самостоятельно организуют логистические процессы, предоставляют инструменты продвижения товаров, определяют порядок отображения предложений с использованием алгоритмов ранжирования, а также создают внутренние механизмы рассмотрения и урегулирования споров между участниками платформы. Так, по данным Statista (2024), совокупный объём оборота Amazon превысил 637 млрд USD [Statista (Amazon), 2026], AlibabaGroup - 127 млрд USD [Statista (Alibaba), 2026], а доля трансграничных продаж на платформах достигла более 30 % от общего объёма международного e-commerce. Масштаб и значимость этих платформ закономерно привели к их правовой институционализации, что нашло отражение в национальных и наднациональных правовых порядках.

Правовое регулирование электронной коммерции в Европейском союзе формировалось поэтапно и основывалось на создании единой нормативной базы для цифрового рынка. Фундаментом такого регулирования стала Директива об электронной коммерции (Directive 2000/31/EC)[Директива 2000/31/EC, 2000], направленная на обеспечение правовой определённости, защиту прав потребителей и создание основы для свободного перемещения товаров, услуг и информации в цифровом пространстве. Дальнейшее развитие правового регулирования было связано с принятием Директивы Европейского парламента и Совета о правах потребителей (Directive 2011/83/EU) [Директива 2011/83/EC, 2011], которая систематизировала ранее действовавшие нормы и установила единый подход к защите прав

потребителей при заключении дистанционных договоров. Ее принятие было обусловлено необходимостью унифицировать разрозненные нормы, регулирующие защиту прав потребителей, фактически сформировав единый комплекс правил в данной сфере.

Схожие подходы к правовому регулированию электронной торговли получили развитие и в других ведущих юрисдикциях. Так, в США одним из ключевых нормативных актов является Закон о восстановлении доверия онлайн-потребителей (Restore Online Shoppers' Confidence Act - ROSCA, 2010) [Restore Online Shoppers' Confidence Act, 2010], а в КНР — Закон об электронной торговле (E-Commerce Law of the People's Republic of China, 2018) [E-Commerce Law of China, 2018], обеспечивающие защиту прав потребителей.

Отдельным направлением европейского регулирования цифровой среды стало обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных. Принятие Генерального регламента ЕС о защите информации 2016/679 - General Data Protection Regulation (далее также – «GDPR») [GDPR (Регламент ЕС 2016/679), 2016] ознаменовало переход к единому режиму обработки персональной информации на территории Европейского союза. Документ существенно усилил обязанности цифровых платформ и иных лиц, работающих с данными пользователей, а также предусмотрел более строгие меры ответственности за нарушение установленных требований. Впоследствии закрепленные в GDPR подходы получили широкое распространение за пределами ЕС и стали ориентиром для развития законодательства о защите данных в других государствах.

Дальнейшее развитие цифровой экономики обусловило необходимость установления специальных правил для крупнейших онлайн-платформ, обладающих значительным влиянием на цифровые рынки. В ответ на эти вызовы в 2022 году Европейский союз принял два взаимосвязанных нормативных акта - Закон о цифровых рынках (далее также – «DMA») и Закон о цифровых услугах (далее также – «DSA») [Digital Services Act (DSA), 2022]. В основе DMA лежит концепция превентивного контроля за деятельностью платформ, занимающих ключевое положение на цифровом рынке («gatekeepers»). Европейская комиссия получила широкие полномочия по контролю за соблюдением ими установленных требований и применению мер воздействия. Совместно с DSA данный акт формирует современную европейскую модель регулирования цифровых платформ, основанную на предупреждении антиконкурентного поведения, обеспечении прозрачности цифровой среды и защите интересов пользователей.

В отличие от DMA, ориентированного преимущественно на регулирование деятельности крупнейших цифровых платформ, DSA устанавливает единые правила функционирования цифровых посредников на внутреннем рынке Европейского союза. Его положения распространяются на широкий круг участников цифровой экономики, включая провайдеров услуг передачи и хранения информации, хостинг-провайдеров, онлайн-платформы и иные сервисы, обеспечивающие распространение цифрового контента. Одной из особенностей DSA является его широкий территориальный охват: требования акта обязательны не только для организаций, зарегистрированных в государствах - членах ЕС, но и для любых поставщиков цифровых услуг, если их деятельность ориентирована на пользователей, находящихся на территории Союза. Такой подход обеспечивает единообразие регулирования цифрового пространства независимо от юрисдикции регистрации поставщика услуг.

DMA направлен на создание справедливых и конкурентных условий для бизнеса и конечных пользователей. «Посредники» определяются как субъекты, оказывающие «ключевые платформенные услуги», перечисленные в ст. 2, и соответствующие количественным порогам выручки и охвата активных пользователей, которые указаны в ст. 3 с целью презюмирования

существенности их влияния на рынок. Кроме того, для официального подтверждения такого статуса требуется решение Еврокомиссии, которое оформляется платформами в результате уведомления комиссии о достижении указанных пороговых значений.

Таким образом, DMA и DSA отражают риск-ориентированный подход Европейского союза к регулированию цифровых платформ. Объем возлагаемых на участников цифрового рынка обязанностей дифференцируется в зависимости от их экономического значения, масштаба деятельности и способности оказывать влияние на конкуренцию и права пользователей. В результате крупнейшие платформы, обладающие значительной рыночной властью, подлежат более строгому регулированию и несут повышенный объем обязанностей по сравнению с иными участниками цифрового рынка. За нарушения DSA и DMA установлены значительные санкции: штрафы могут достигать 10 % от мирового годового оборота, а при повторных нарушениях — до 20 %. Европейская комиссия вправе также накладывать запрет на участие в сделках слияния и поглощения и даже требовать отчуждения активов компаний, неоднократно нарушавших правила. [Robert Schuman Foundation, www..., с.12]

Вместе с тем в зарубежной литературе отсутствует единая оценка эффективности DMA и DSA. Одни исследователи рассматривают их как необходимый инструмент ограничения рыночной власти крупнейших платформ, тогда как другие указывают на риск снижения инновационной активности, увеличения регуляторной нагрузки и сокращения конкурентных преимуществ европейских цифровых компаний.

Китайская модель регулирования цифровых платформ строится на сочетании жёсткого государственного контроля и стратегического управления цифровыми рисками. Особенности являются признание значимости платформ как самостоятельного вида деятельности, акцент на антимонопольном регулировании, строгие требования к защите данных, экстерриториальное действие законодательства и усиление контроля над крупными платформами. Это отражает стремление к всестороннему контролю и специфику политической и экономической системы страны. [Кошель, Кузьминов, Кручинская, Лесив, 2025, с.22]

Ключевое значение в системе правового регулирования имеет Антимонопольный закон КНР (Anti-monopoly Law of the People's Republic of China, 2008) [Anti-Monopoly Law of China, 2008]. В 2022 году в него были внесены существенные изменения, направленные на адаптацию антимонопольного регулирования к особенностям цифровой экономики. Помимо этого, закон предусматривает возможность принятия подзаконных нормативных актов и официальных разъяснений, конкретизирующих требования к деятельности цифровых платформ. В 2021 году Государственный совет КНР утвердил Антимонопольные принципы (руководство) платформенной экономики, направленные на предотвращение злоупотребления рыночной властью цифровыми платформами. В октябре того же года был опубликован проект Руководящих принципов, предусматривающий классификацию платформ по видам деятельности с учётом числа пользователей и рыночной капитализации. В 2023 году были приняты Положение о запрете злоупотребления доминирующим положением на рынке (Provision on Prohibiting Abuse of Dominant Market Positions) и Положение о запрете монополистических соглашений (Provision on Prohibition of Monopoly Agreements). Первый акт запрещает использование данных, алгоритмов и технологий в целях злоупотребления доминирующим положением на рынке, а второй - согласованные действия между платформами, направленные на фиксацию цен, ограничение конкуренции или раздел рынка. К примеру, данными актами не допускаются сговор с целью применения одних и тех же алгоритмов и правил платформы для расчета цен разных продавцов, получение выгоды от поддержания

фиксированных цен, а также согласованное распределение рынка сбыта или закупок.

В 2024 году Госсовет КНР принял Правила о безопасности сетевых данных (Regulations on Network Data Security Management) [Regulations on Network Data Security Management (China), [www...](#)], вступившие в силу с 1 января 2025 года. Документ фокусируется на вопросах кибербезопасности, конфиденциальности данных и вводит правила, запрещающие операторам использовать данные для дискриминации пользователей или поставщиков. Правила обладают экстерриториальным действием и применяются к платформам, осуществляющим сетевую обработку данных как на территории КНР, так и за ее пределами, если эта деятельность может нанести ущерб национальной безопасности, публичному интересу или законным интересам граждан КНР. Правила охватывают защиту не только личной информации, но и любой другой, обрабатываемой и генерируемой посредством интернет-сетей в зависимости от трех категорий — общие данные (general data), важные данные (important data) и критически важные данные (core data). Особые требования по защите данных предъявляются к доминирующим цифровым платформам.

Таким образом, регулирование цифровых платформ в Китае строится на комплексном сочетании антимонопольных механизмов, требований к обработке данных и инструментов государственного контроля. Такая модель основана на признании цифровых платформ не только коммерческими субъектами, но и объектами публичного регулирования, способными оказывать существенное влияние на экономическую стабильность, информационную безопасность и технологическое развитие государства. Именно поэтому китайское законодательство предусматривает более активное вмешательство государства в деятельность крупнейших платформ по сравнению с большинством зарубежных правовых порядков.

В течение длительного времени регулирование цифровых платформ в США основывалось преимущественно на принципах свободной конкуренции и саморегулирования. Однако усиление экономической власти крупнейших технологических компаний привело к пересмотру такого подхода, что выразилось в расширении антимонопольного контроля и разработке специальных законодательных механизмов, направленных на обеспечение открытости цифровых рынков.

В отличие от Европейского союза, в США отсутствует единый федеральный нормативный акт, комплексно регулирующий вопросы защиты персональных данных. Вместо этого соответствующее регулирование формируется преимущественно на уровне отдельных штатов, многие из которых приняли собственные законодательные акты в данной сфере. Наиболее известные из них - Закон Калифорнии о защите частной жизни в онлайн среде (California Online Privacy Protection Act, 2003), Закон Калифорнии о неприкосновенности частной жизни потребителей (California Consumer Privacy Act, CCPA, 2018) и Закон Калифорнии о праве на частную жизнь (California Privacy Rights Act, CPRA, 2020). Эти законы предоставляют пользователям более широкие права на контроль за обработкой собственных данных и вводят строгие требования к раскрытию информации о целях и методах обработки, сближая американский подход с европейским GDPR.

В начале 2020-х годов внимание законодателей США сосредоточилось на борьбе с рыночной концентрацией в сфере цифровых технологий. В результате в Конгрессе были разработаны два законопроекта: проект Закона об американских инновациях и выборе в Интернете (American Innovation and Choice Online Act, AICOA) [American Innovation and Choice Online Act, 2021] и проект Закона об открытых рынках приложений (Open App Markets Act, OAMA) [Open App Markets Act, 2021]. AICOA регулирует деятельность крупнейших цифровых

платформ с выручкой свыше 600 млрд долларов США и более чем 50 млн активных пользователей в месяц. Законопроект запрещает дискриминацию пользователей, использование непубличных данных для конкуренции, ограничение доступа к функционалу без использования других продуктов платформы, а также препятствование удалению предустановленного программного обеспечения. ОАМА, в свою очередь, направлен на регулирование деятельности магазинов приложений (Apple App Store, Google Play, Microsoft Store и др.), устанавливая запрет на самопреференцию (self-preference) и требуя обеспечения равного доступа разработчиков к инфраструктуре платформ. В числе недостатков законопроектов отмечается то, что вместо подбора товаров, способных заинтересовать потребителя, крупные технологические компании могут начать рекомендовать продукцию, исходя из требований государственного регулирования, что способно ограничить свободу выбора и исказить конкурентную среду.

В отличие от Европейского союза, рассматривающего цифровые платформы как особый объект комплексного публично-правового регулирования, американский подход продолжает опираться преимущественно на механизмы конкурентного права и защиты потребителей, сохраняя более высокий уровень автономии цифрового бизнеса.

Отдельного внимания заслуживает еще одна современная тенденция развития зарубежного регулирования. По мере внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность цифровых платформ предмет правового воздействия становятся не только сами платформы, но и используемые ими алгоритмы. Системы рекомендаций, ранжирования товаров, автоматизированной модерации контента и разрешения споров способны оказывать непосредственное влияние на права пользователей и конкурентную среду. В связи с этим законодательство ведущих зарубежных юрисдикций постепенно смещается от регулирования исключительно статуса цифровых платформ к установлению требований к алгоритмическим системам и прозрачности их функционирования.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в зарубежных правовых порядках складываются различные модели регулирования цифровых платформ. Их содержание определяется не только уровнем развития электронной торговли, но и общими подходами государства к вмешательству в экономику, защите конкуренции и контролю за обработкой данных. Американская модель сохраняет преимущественно фрагментарный характер и развивается через сочетание антимонопольных механизмов, отраслевых норм и законодательства отдельных штатов. Китайский подход, напротив, основан на широком государственном контроле и подчинении деятельности платформ публичным интересам, включая вопросы национальной и информационной безопасности. Европейский союз формирует наиболее детализированную систему специальных требований, дифференцируя объем обязанностей платформ в зависимости от их функций, масштаба и влияния на рынок. Несмотря на различия, общим направлением развития законодательства становится переход от нейтрального отношения к владельцам платформам как к техническим посредникам к признанию их самостоятельными объектами специального правового регулирования.

Библиография

1. Шелепов, А. В., Колмар, О. И. Регулирование цифровых платформ в России / А. В. Шелепов, О. И. Колмар. - Текст: электронный // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2024. -

- Т. 19. - № 2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-tsifrovyyh-platform-v-rossii> (дата обращения: 06.12.2025).
2. Amazon.com — Annual net revenue. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/266282/annual-net-revenue-of-amazoncom/> (дата обращения: 06.02.2026).
3. Alibaba — Annual net revenue. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/225614/net-revenue-of-alibaba/> (дата обращения: 06.02.2026).
4. Директива 2000/31/ЕС «Об электронной коммерции» (принята 08.06.2000) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 06.02.2026).
5. Директива 2011/83/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза о правах потребителей // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 06.02.2026).
6. Restore Online Shoppers' Confidence Act — Public Law 111-345 (29 December 2010). Официальный текст: <https://www.congress.gov/111/plaws/publ345/PLAW-111publ345.pdf>
7. E-Commerce Law of the People's Republic of China (2018) // National People's Congress of China. URL: <https://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202001/8580b3dbce5d4f79a249e1e7a1809b7f.shtml> (дата обращения: 06.02.2026).
8. Регламент (ЕС) 2016/679 (General Data Protection Regulation, GDPR) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 06.02.2026).
9. Regulation (EU) 2022/2065 (Digital Services Act, DSA) // OJ L 277, 27.10.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 06.02.2026).
10. Digital legislation: convergence or divergence of models? A comparative look at the European Union, China and the United States // Robert Schuman Foundation. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/769-digital-legislation-convergence-or-divergence-of-models-a-comparative-look-at-the-european-union-china-and-the-united-states> (дата обращения: 06.02.2026).
11. Кошель, А., Кузьминов, Я., Кручинская, Е., Лесив, Б. Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) / А. Кошель, Я. Кузьминов, Е. Кручинская, Б. Лесив. - Текст: электронный // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2025. - Том 18. № 2. - С. 4-58.
12. Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China (2008) // National People's Congress of China. URL: <https://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 06.02.2026).
13. Regulations on Network Data Security Management (China) // State Council of the People's Republic of China. URL: <https://www.gov.cn> (дата обращения: 06.02.2026).
14. American Innovation and Choice Online Act (AICOA, Bill, 2021) // U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения: 06.02.2026).
15. Open App Markets Act (OAMA, Bill S.2710, 117th Congress) // U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения: 06.02.2026).

Legal Regulation of Digital Platforms in Foreign Legal Orders

Anastasiya S. Mas'kova

Junior Lawyer,
Internet Resheniya LLC,
123112, 10, Presnenskaya naberezhnaya, Moscow, Russian Federation;
e-mail: n.maskova@mail.ru

Abstract

The article analyzes the foreign experience of legal regulation of digital platforms in three key jurisdictions – the European Union, the USA, and the People's Republic of China, which act as the main regulatory poles in the field of the platform economy. The features of legislative approaches to the regulation of electronic commerce (including requirements for transparency, consumer information, return procedures, and dispute resolution), personal data protection (GDPR in the EU, CCPA in California, the Law on the Protection of Personal Data in China), ensuring competition (antitrust regulation and control over dominant position), and the activities of the largest digital

Mas'kova A.S.

platforms (Amazon, Alibaba, Google, Meta) are considered. Special attention is paid to the analysis of key EU regulations: the Digital Markets Act (DMA), which establishes rules for "gatekeepers" – the largest platforms performing the functions of key intermediaries between businesses and consumers, including obligations to ensure service interoperability, a ban on pre-installing applications, and restrictions on the use of data; and the Digital Services Act (DSA), which regulates the liability of intermediaries for content, requirements for algorithm transparency, and procedures for notification and removal of illegal content. Regarding the American approach, the features of sectoral regulation (the absence of a single comprehensive law), the role of the Federal Trade Commission (FTC), differences in regulation at the state level, as well as antitrust lawsuits against large technology corporations are analyzed. The Chinese approach is characterized as combining strict state regulation (including requirements for algorithms, price regulation, licensing, and control over foreign capital) with support for the development of national platforms. Based on the results of the research, the main trends in the development of foreign legislation are identified, which are of interest for improving Russian legal regulation (including the prospects for adopting a special law on digital platforms, strengthening requirements for algorithm transparency, and protecting consumer rights in electronic commerce).

For citation

Mas'kova A.S. (2026) Pravovoe regulirovanie tsifrovyykh platform v zarubezhnykh pravoporyadkakh [Legal Regulation of Digital Platforms in Foreign Legal Orders]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 412-420. DOI: 10.34670/AR.2026.58.62.048

Keywords

Digital platforms, marketplaces, electronic commerce, platform economy, DMA, DSA, GDPR, foreign experience of marketplace regulation, personal data protection, antitrust regulation.

References

1. Shelepov A.V., Kolmar O.I. (2024). Regulirovaniye tsifrovyykh platform v Rossii [Regulation of Digital Platforms in Russia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*, 19(2). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-tsifrovyykh-platform-v-rossii>
2. Amazon.com — Annual net revenue. (n.d.). *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/266282/annual-net-revenue-of-amazoncom/>
3. Alibaba — Annual net revenue. (n.d.). *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/225614/net-revenue-of-alibaba/>
4. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce'). *EUR-Lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu>
5. Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights. *EUR-Lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu>
6. Restore Online Shoppers' Confidence Act — Public Law 111-345 (29 December 2010). Available at: <https://www.congress.gov/111/plaws/publ345/PLAW-111publ345.pdf>
7. E-Commerce Law of the People's Republic of China (2018). *National People's Congress of China*. Available at: <https://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202001/8580b3dbce5d4f79a249e1e7a1809b7f.shtml>
8. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). *EUR-Lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu>
9. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). *OJ L 277*, 27.10.2022. Available at: <https://eur-lex.europa.eu>

-
10. Digital legislation: convergence or divergence of models? A comparative look at the European Union, China and the United States. (n.d.). *Robert Schuman Foundation*. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/769-digital-legislation-convergence-or-divergence-of-models-a-comparative-look-at-the-european-union-china-and-the-united-states>
 11. Koshel A., Kuzminov Ya., Kruchinskaya E., Lesiv B. (2025). Poisk reguliatsionnogo optimuma deyatel'nostitsifrovoykh platform (sravnitel'nyy analiz) [Searching for the Regulatory Optimum of Digital Platform Activities (Comparative Analysis)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 18(2), 4-58.
 12. Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China (2008). *National People's Congress of China*. Available at: <https://www.npc.gov.cn>
 13. Regulations on Network Data Security Management (China). (n.d.). *State Council of the People's Republic of China*. Available at: <https://www.gov.cn>
 14. American Innovation and Choice Online Act (AICOA, Bill, 2021). *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov>
 15. Open App Markets Act (OAMA, Bill S.2710, 117th Congress). *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov>